

ПАРЛАМЕНТАРИЗМ VERSUS ДЕМОКРАТИЗМ: РАКУРС ПОЛИТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Е.Л. СЫСОЛЯТИНА

Практика становления современного отечественного парламентаризма свидетельствует о том, что продуктивному развитию демократических ценностей в России противостоит устойчивая традиция авторитарной власти.

По принципу преемственности продолжают работать и элементы устаревшей административной традиции управления развитием общества. Подобного рода тенденции объясняют спецификой русской ментальности, важнейшей характеристикой которой называют взаимное отчуждение власти от общества. По мнению Т.П. Лебедевой, «на протяжении многих веков российское общество оставалось весьма пассивным и не пыталось найти рациональные механизмы воздействия на власть, а та, в свою очередь, была мало способна реагировать на потребности общества»¹.

Ряд исследователей (Л. Грибов, В.А. Динес, О.В. Иванова, И.К. Пантин, Я.Я. Ровнер, Д.Г. Сельцер, А.С. Федотов) указывают на патерналистский характер взаимоотношений между гражданами и властью: «Государство предстает в роли отца, хозяина, а гражданин – в качестве подопечного, просителя»². В рамках такой традиции общество оказывается не только отделенным от власти, но и лишенным механизмов ее формирования и контроля.

Обратимся к методике исследования политических субкультур в России, предложенной О.Г. Зевинной и Б.И. Макаренко³. Авторы считают, что каждой субкультуре соответствует электоральная группа сторонников определенных партий: 1) либералы (Яблоко, Правое дело, Гражданская сила); 2) патриоты (ЛДПР); 3) патерналисты (Справедливая Россия, Патриоты России, Партия социальной справедливости); 4) лоялисты (Единая Россия); 5) советские традиционалисты (КПРФ, Аграрная партия).

Так, патерналисты, поддерживающие многие государственные начинания, не чувствуют причастности государственной политики к своему образу жизни. В меньшей степени государственность присуща либералам, для них современное государство неприемлемо в силу недемократичности. Остальные субкультуры признают не только ценности государства, но и его благотельный характер.

Следствием патерналистской традиции государственного и социального устройства становятся «огосударствление политического пространства»⁴, слабость гражданского общества и политическая апатия народных масс в России. В качестве главного источника про-

грессивного движения страны выступает административный ресурс, превосходящий во много раз по объему полномочий политические структуры и институты гражданского общества. В связи с этим в российском обществе утвердилась культура недоверия. Общество в России крайне индивидуализировано, разрозненно, слабым оказывается проявление доверия к политической системе, в том числе и к парламенту.

Доверие как основа горизонтальных и вертикальных отношений в обществе играет важную роль в создании групповой идентичности, особенно в гражданских ассоциациях (общественных движениях, партиях, клубах интересов, благотворительных организациях). Доверие к политическим институтам, формирующее толерантность, — основа легитимации власти.

Дефицит доверия часто восполняется жесткими вертикалями и жестким планированием. Эти условия усиливают пассивность граждан. Высокие коэффициенты доверия президенту (на уровне 60 – 70%), церкви (на уровне 40 – 50%), армии (30 – 40%) являются коррелятами системы, в которой от человека практически ничего не зависит.

Мы согласны с экспертами в том, что «парадоксальная вера в Президента (при тотальном недоверии к патронируемому им государственному аппарату) воспринимается как последний предел надежды и имеет в своей основе нечто иррациональное. Отсюда столь чтимая обществом система «ручного управления», которая иллюзорно компенсирует низкую эффективность всей политической системы, в первую очередь государственного управления»⁵.

Важнейшей из причин неразвитости отечественного парламентаризма исследователи называют самодержавную политическую культуру, ключевой характеристикой которой оказывается ее «властечентричность»⁶. Из властечентричности российской политической культуры, в свою очередь, вытекают две тенденции: персонафикация власти и процесс консолидации режима по направлению к авторитаризму.

Авторитаризм — это та разновидность режима, который, по мнению Ю.А. Красина, В.Б. Кувалдина, Е.Б. Шестопал, присущ на сегодняшний день нашему государству. Для него характерна концентрация властных полномочий в едином правящем центре и относительная свобода деятельности граждан, не оспаривающих монополию власти на принятие политических решений. Представленная модель является закономерным следствием синтеза отечественных традиций, исторического опыта и политической обстановки. Ее привлекательность для российской политической действительности заключается в том, что, во-первых, «практическая реализация этой модели есть во многом отражение запроса, который существует в обществе»⁷, во-вторых, «она способствует консолидации политической элиты и

создает условия для возрождения государственности, столь необходимой для развития России»⁸.

Демократические же ценности усваиваются российским обществом настолько, насколько они соответствуют отечественной политической культуре. Происходит отбор элементов демократии, предлагаемых государством обществу. Ценности демократии и права человека воспринимаются как ценности второго порядка. С одной стороны, признается их важность. С другой, они не актуализированы настолько, чтобы борьба за их утверждение с помощью представительных органов власти стала приоритетной в обществе.

По справедливому замечанию А.В. Андреевской, «в России сложилась своеобразная модель связи интереса к политике и базовой политической поддержки системы»⁹. Автор выделяет следующие характеристики модели:

- позитивно оценивают работу демократической системы в России те, кто меньше интересуется политикой;
- наиболее критическое отношение — у тех, кто политикой очень интересуется.

Власть в представлениях российского населения самодостаточна, независима от общества. Население является ее ресурсом, собственностью, «власть мыслится как исполнительная власть, то есть бюрократическая машина. Ни законодательные органы, ни суд, ни средства массовой информации не обладают сколько-нибудь самостоятельным значением и авторитетом в глазах россиян»¹⁰.

В целом российскую власть можно охарактеризовать как предельно централизованную, недифференцированную, персонафицированную в образе вождя, опирающуюся в первую очередь на неконституционные органы и механизмы господства (Администрацию Президента) и спецслужбы, выведенные из-под контроля закона, суда и парламента.

В итоге традиция авторитарной власти, отличающаяся высокой степенью устойчивости, находит наиболее последовательное воплощение в современной форме правления российского государства. Более того, эта традиция заполняет собой пространство между государством и гражданским обществом. За счет того, что парламент играет лишь формальную роль в качестве полноценного противовеса власти Президента РФ, исполнительная власть становится во многом независимой и от представительных институтов, и от граждан.

Интересным представляется мнение экспертов о том, что «отношение россиян к демократии вообще и к ее западной модели, в частности, остается крайне амбивалентным»¹¹. В чем это выражается? Прежде всего, в том, что у многих россиян сформировалось негативное отношение к демократии. Причиной подобного рода отношения послужило влияние следующих факторов: «Отсутствие или слабость

демократических традиций в нашей политической культуре, многочисленные тяготы переходного периода и негативная роль элиты, которая своими действиями дискредитировала в глазах рядовых граждан многие институты и принципы демократии»¹².

Однако согласно результатам исследований последних лет, проводимых социологическими центрами, ситуация с демократией в России, ее восприятием населением страны является не столь однозначной. Для прояснения этого вопроса обратимся к анализу данных исследования, проведенного Фондом «Общественное мнение» в сентябре 2010 г.¹³ Назовем особенности национального восприятия демократических ценностей, которые выделяют ученые.

Во-первых, значительное число россиян остаются приверженцами демократических ценностей и институтов, запрос на которые сформировался еще в конце 80-х — начале 90-х годов XX в. В то же время под влиянием социальной и политической практики представления россиян о важности составляющих демократии претерпели изменения. В частности, актуальными остаются демократические свободы: гласность, свобода слова, мнений, свобода выбора, действий, равноправие, равенство, соблюдение прав человека. Снижается значимость правовой основы демократического государства, системы выборов, независимого судопроизводства.

Во-вторых, велик процент опрошенных, не признающих важности партийной системы, что связывается с второстепенной ролью партий в политической жизни страны, их неспособностью влиять на принятие важных политических решений.

В-третьих, отмечается низкий уровень эффективности демократической модели, сложившейся в России, прежде всего, ее институциональной составляющей, призванной защищать и выражать интересы граждан. Речь идет о политических партиях, судебной системе, профсоюзах, Государственной Думе и Совете Федерации, прессе и социальных службах. Наибольшей степенью доверия пользуются структуры исполнительной власти Российской Федерации. По мнению экспертов, низкий уровень поддержки институтов гражданского общества обусловлен недовольством россиян их деятельностью.

Наконец, результаты исследования свидетельствуют о том, что позитивное отношение россиян к ценностям демократии сочетается со скепсисом по отношению к ее инструментальной составляющей. Подобные тенденции приводят к тому, что демократические ценности не преобразуются в социальные поведенческие установки.

В целом исследователи (А.Ю. Зудин, Г.Л. Кертман, И.В. Конода, С.Н. Соломатова) указывают на то, что для многих россиян западная модель демократии по-прежнему служит эталоном общественного развития, в качестве важнейших составляющих которого выступа-

ют такие ценности, как права человека и социально-экономические права.

Между тем, ориентация на демократизацию сочетается с консервативным характером массовых предпочтений в отношении модели власти. Российская политическая культура апеллирует к механизму «традиционалистской реинтерпретации институциональных инноваций»¹⁴, заключающемуся в том, что культура «одомашнивает, вписывает импортированные институты в традиционный ценностно-нормативный контекст и вырабатывает спектр мотиваций политического поведения, органичный для среднего россиянина»¹⁵.

Следующей немаловажной проблемой в контексте российского парламентаризма является невысокий уровень профессиональной и политической культуры парламентариев, почти полное отсутствие культуры поиска политического компромисса и согласия.

На наш взгляд, эта проблема глубоко проработана Л. Грибовым. Автор обращается к образу «настоящего политика-парламентария». Такой политик способен, «исходя из интересов своего народа и государства, ставя их выше собственных, найти правильную линию действия на много лет вперед»¹⁶. Он обладает волей провести в жизнь эту линию даже ценой личных потерь. Здесь небезынтересен тот факт, что исходя из приложения вышеуказанных характеристик к российским парламентариям, Л. Грибов делает вывод о том, что в России настоящих парламентских деятелей практически не существует.

Однако имеется и противоположная точка зрения (О.В. Гаман-Голутвиной, Т.В. Семыкиной) на проблему профессионализации современных парламентариев. В частности, О.В. Гаман-Голутвина рассматривает парламентариев в качестве важнейшего канала, через который общество реализует себя на государственном уровне. Кроме того, она предлагает три критерия для оценки профессионализации парламентского представительства – технологический, институциональный и метафизический.

Наиболее успешно реализовал себя технологический критерий, поскольку депутаты, по мнению О.В. Гаман-Голутвиной, «научились сосуществовать и взаимодействовать с исполнительной властью, СМИ, институтами гражданского общества»¹⁷. В то же время динамика профессионализации парламента в институциональном аспекте отличается нестабильностью. Законодательный орган более не является каналом делегирования парламентариев в состав исполнительной власти. Наименьшее же развитие получило метафизическое измерение профессионализации парламентских деятелей, так как «партикулярные, корпоративные и личные интересы депутатов еще нередко берут верх над общегосударственными»¹⁸.

В итоге анализ профессионализации российских парламентариев свидетельствует о противоречивом характере этого процесса. Тем не

менее, его позитивные составляющие превосходят негативные. Следует также отметить, что профессиональная культура парламентариев обычно формируется медленно, в течение многих десятилетий, а то и столетий, как это происходило, например, в парламенте Великобритании.

В современной России не смогла сформироваться полноценная демократическая политическая культура населения и, в частности, культура участия в выборных кампаниях. Результаты опросов, проведенных рабочей группой Аналитического Центра Юрия Левады в 2011 г., показывают: «51% опрошенных имеют “довольно смутное представление” о том, чем занимались депутаты Государственной Думы в течение минувших четырех лет, а 39% не имеют вообще никакого представления. До 60% россиян в целом отрицательно оценивают работу депутатов. 70% (август 2011 г.) считают, что депутаты не выполняют своих предвыборных обещаний»¹⁹. В чем же причина подобного рода тенденций?

Во-первых, они объясняются сужением публичного пространства политики, усилением закрытости и ростом авторитарных направлений в политике. Во-вторых, спад политической активности предопределен обстоятельствами, связанными не только с властью, но и с эволюцией общества. На сегодняшний день большинство россиян действуют в соответствии с концепцией рационального выбора. В-третьих, в последние годы россияне сосредоточились на адаптации к новым условиям и обстоятельствам жизни, следствием чего стал низкий уровень политической и общественной активности.

Однако исследователи отмечают, что говорить об абсолютном безразличии россиян к политике и их полному погружению в частную жизнь неправомерно: «Политическая культура России характеризуется умеренным интересом населения к политике, который в последнее десятилетие хотя и медленно, но растет»²⁰. Среди особенностей политического поведения россиян можно выделить следующие. Во-первых, политический интерес у россиян отличается пассивностью и не приводит к устойчивому и систематическому участию в политике и управлении (кроме голосования). Во-вторых, в политическом процессе участвуют те, кто оценивает работу политической системы низко, т.е. имеет протестную мотивацию участия. В-третьих, на избирательные участки приходят активнее избиратели, мало интересующиеся политикой и в целом довольные существующей политической системой.

Кроме того, в структуре парламентаризма немаловажным представляется верховенство правовых принципов. Исследователи (А.Н. Медушевский, М.Ю. Мизулин, Ю.С. Пивоваров) отмечают, что на сегодняшний день политический процесс в России можно охарактеризовать как восстановление власти в качестве моноинститута,

с одной стороны, и как отступление на второй план политического плюрализма, выражаемого через «конкуренцию политических образцов, толерантности и нормативной процессуальности»²¹, с другой. Российский парламент исключается из процесса принятия политических решений, единственным его актором становится институт президентства.

В целом в России исполнению законов препятствуют следующие тенденции: во-первых, использование законов в политических целях, для наказания политических противников. Во-вторых, наличие неподотчетной обществу силовой элиты, действующей вне публичного пространства и оказывающей все большее влияние на работу государственного аппарата. В-третьих, развитие политического фаворитизма и вмешательства в судебные решения. В-четвертых, существование в обществе единого властечцентричного понимания природы и механизмов функционирования власти. Наконец, «ограничение свободы СМИ, снижение уровня терпимости властей к политической оппозиции, подрыв избирательных механизмов — все это мешает российскому обществу привлечь должное внимание к несоблюдению правовых норм и злоупотреблению ими и противостоять подобного рода явлениям»²².

Основные проблемы, с которыми сталкивается политико-правовая культура России, заключаются в слабости гражданского общества и его основных институтов, слабости отечественной демократии, невысоком уровне правового мышления общества, слабости судебной системы. По справедливому замечанию М.Б. Смоленского, «выбирая между стабилизацией общественных отношений в стране любыми средствами и незыблемостью принципов права, 59% опрошенных отдают предпочтение первому и только 14,5% — второму»²³. Здесь, на наш взгляд, уместно и суждение английского политолога Ричарда Саквы о специфике российской правовой культуры: «Политические акторы не столько следуют структурам и правилам, обеспечивающим рамки порядка, сколько приспосабливают структуры и правила для своих собственных целей и в то же время создают новые, которые поддерживают режим, одновременно обходя формальный конституционный порядок»²⁴. Согласно общемировой практике парламентаризма, формирование права происходит лишь в процессе политической коммуникации, наиболее ярко представленной различными парламентскими процедурами. Поэтому важнейшим условием становления нормативности, правового порядка в стране является развитие парламентаризма. Только развитой парламентаризм сможет обеспечить качественное состояние права в России.

В попытках создать демократию в Российской Федерации государственные деятели сконцентрировали свои усилия лишь на формальной стороне демократических институтов и соответствующих

документов. Кроме того, для вовлечения широких слоев населения в политическую жизнь страны они сосредоточили большое количество властного ресурса на формировании политических партий, в то время как «для развития стабильного и эффективного демократического строя требуется нечто большее, чем определенные политические и управленческие структуры. Это развитие зависит от ориентаций, имеющихся у людей в отношении политического процесса, то есть от политической культуры. Если она не способна поддержать демократическую систему, шансы на успех последней весьма слабы»²⁵. И отметим, что низкий уровень электоральной политико-правовой культуры и лишь частичная реализация демократических институтов и принципов в стране вызвана нежеланием властей реального участия гражданского общества в политической жизни страны на сегодняшний день.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Лебедева Т.П. Либеральная демократия как ориентир для посттоталитарных преобразований // *Полис*. 2004. № 2. С. 81.

² Динес В.А. Российская государственность в контексте исторических традиций // *Власть*. 2008. № 2. С. 6.

³ См.: Зевина О.Г., Макаренко Б.И. Об особенностях политической культуры современной России // *Полис*. 2010. № 4. С. 117.

⁴ Соловьев А.И. Электоральный дефолт и деинституционализация политического рынка // *Полис*. № 1. С. 12.

⁵ Инновационная модернизация России. Политологические очерки / под редакцией Ю.А. Красина. – М.: Институт социологии РАН, 2011. С. 169 – 170.

⁶ Пивоваров Ю.С. Русская власть и публичная политика. Заметки историка о причинах неудачи демократического транзита // *Полис*. 2006. № 1. С. 16.

⁷ Шестопал Е.Б. Авторитарный запрос на демократию, или почему в России не растут апельсины // *Полис*. 2004. № 1. С. 26.

⁸ Красин Ю.А. Метаморфозы демократии в изменяющемся мире // *Полис*. 2006. № 4. С. 134.

⁹ Андреевкова А.В. Политическое поведение россиян // *Мониторинг общественного мнения*. 2010. № 4 (98). С. 20 – 21.

¹⁰ Гудков Л.Д., Дубин Б.В., Зоркая Н.А. Постсоветский человек и гражданское общество. – М.: Московская школа политических исследований, 2008. С. 21 – 22.

¹¹ Руденкин В.Н. Гражданское общество в России: история и современность. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та. 2002. С. 139.

¹² Там же.

¹³ См.: О демократии в России / Доминанты. 2010. 16. 09. № 36. Фонд «Общественное мнение». С. 28 – 29.

¹⁴ Кертман Г.Л. Статус партии в российской политической культуре // *Полис: Политические исследования*. 2007. № 1. С. 120.

¹⁵ Там же. С. 120.

¹⁶ Грибов Л. Особенности национального парламентаризма // *Высшее образование в России*. 2002. № 2. С. 77.

¹⁷ *Гаман-Голутвина О.В.* Российский парламентаризм в исторической ретроспективе (I) // *Полис*. 2006. № 2. С. 32.

¹⁸ Там же. С. 32.

¹⁹ *Гудков Л.Д., Дубин Б.В., Зоркая Н.А., Плотко М.А.* Российские парламентские выборы при авторитарном режиме. – URL: http://www.levada.ru/sites/default/files/levada-elections2011_0.pdf

²⁰ *Андреевкова А.В.* Политическое поведение россиян // *Мониторинг общественного мнения*. 2010. № 4 (98). С. 21.

²¹ *Мизулин М.Ю.* Становление российского парламентаризма и новая парадигма права // *Власть*. 2006. № 3. С. 32.

²² *Карозерс Т.* Ошибка теории «поэтапной демократизации» // *Pro et Contra*. 2007. Январь-февраль. С. 90 – 91.

²³ *Смоленский М.Б.* Правовая культура и идеи государственности // *Государство и право*. 2009. № 4. С. 20 – 21.

²⁴ *Саква Р.* Дуалистическое государство в России: параконституционализм и парapolитика // *Полис: Политические исследования*. 2010. № 1. С. 11 – 12.

²⁵ *Алмонд Г., Верба С.* Гражданская культура и стабильность демократии. – URL: <http://www.humanities.edu.ru/db/msg/81534>

Аннотация

Статья посвящена проблеме соотношения практики реализации российского парламентаризма и развития демократических политических ценностей. Особое внимание уделено выявлению особенностей взаимодействия государства и общества в России, вопросам оценки и доверия со стороны россиян демократическим и парламентским ценностям, разнообразию форм участия / неучастия людей в политике, специфике отечественной политико-правовой культуры. Предпринята попытка объяснить невысокий уровень демократичности российской политической культуры, неудовлетворительное развитие парламентаризма в России.

Ключевые слова: парламентаризм, демократическая политическая культура, доверие, идентичность, демократические ценности, электоральная политико-правовая культура, власть, общество.

Summary

The article deals with the relation of practice implementation of the Russian parliamentary and democratic political values. Special attention is paid to identifying features of the interaction of the state and society in Russia, evaluation and trust from the Russians to the parliamentary democratic values, diversity of participation / non-participation of people in politics, the specifics of domestic political and legal culture. An attempt to explain the low level of democracy of the Russian political culture, the slow development of parliamentarism in Russia.

Keywords: parliamentary system, democratic political culture, trust, identity, democratic values, electoral political and legal culture, power and society.